

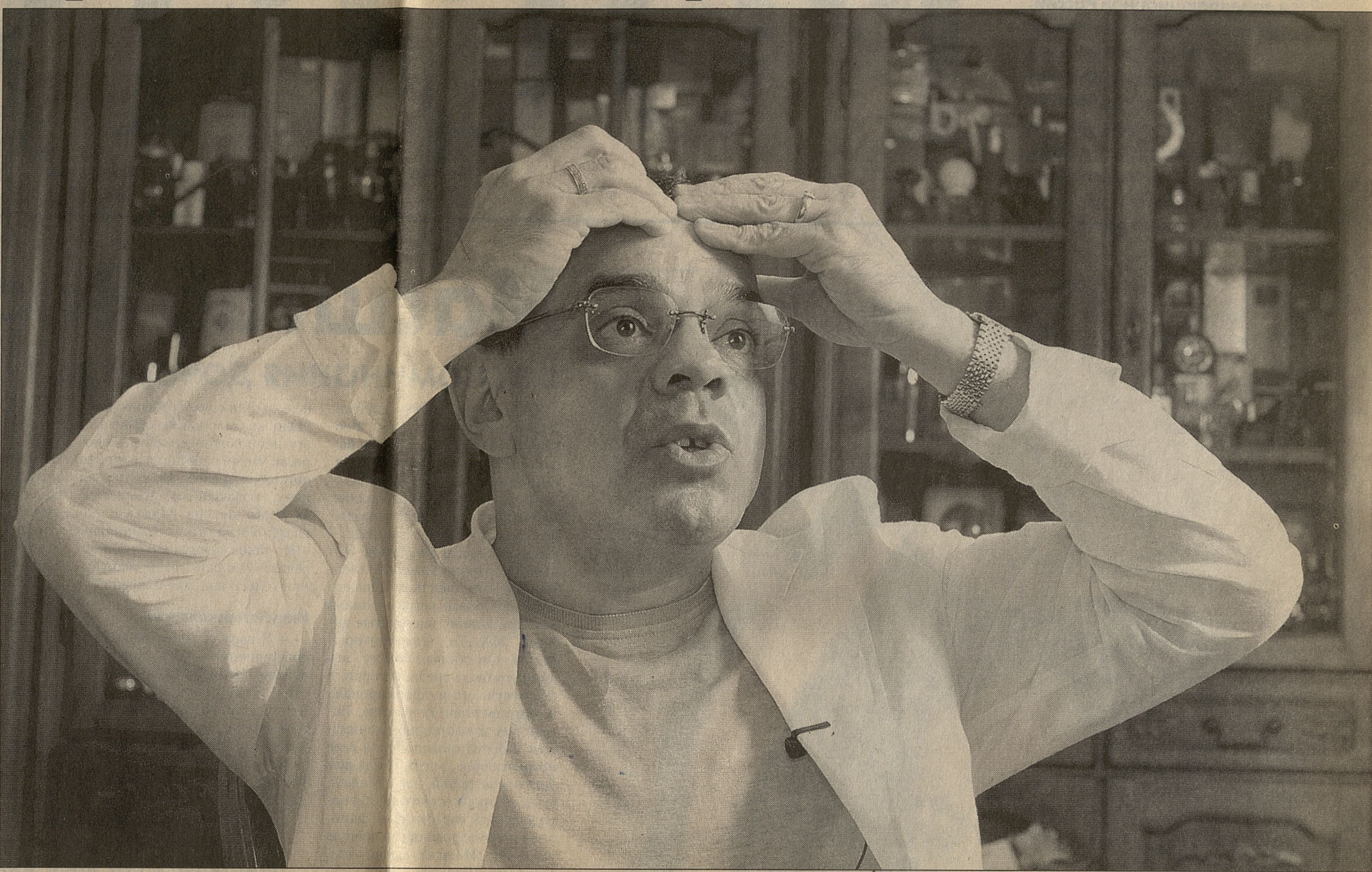

Беседовала
Екатерина Ульченко

По мощности личной энергетики ему трудно найти равного. Пластичный и экспрессивный актер, яркий и креативный режиссер опроверг расхожее выражение о детях гениев. Природа отдыхает далеко от знаменитого московского театра «Сатирикон», которым Райкин с успехом руководит уже 16 лет.

Константин РАЙКИН:

В моей Марьиной Роще мне нужно, чтобы зритель балдел

— Константин Аркадьевич, когда-то давно вы говорили, что больше всего хотите иметь свой театр. Ваши мечты сбылись?

— До какой-то степени. Но теперь мне надо других выслушать. Если бы мне сказали, что сегодняшнее положение театра и есть пик, я бы расстроился.

— Практически подряд в «Сатириконе» прошли три премьеры. После «Доходного места» Островского — «Снегурочка», а теперь еще и драма Лермонтова «Маскарад». Театр взял курс на русскую классику?

— Мы сделали большой круг по мировой драматургии, сыграв и Шекспира, и Гольдони, и Мольера, и многих других замечательных западных драматургов, а теперь, мне кажется, имеем право прикоснуться к самым трудным русским пьесам.

— Новый сезон вы открыли произведением, которое мы все вроде бы прекрасно знаем, но которое, однако, очень давно не видели в театральной, да и в кинотеатральной. Почему вы остановили свой выбор на «Снегурочке»?

— Спектакль называется «Страна любви», «Снегурочка» — его рабочее название. Мало кто на самом деле знает эту пьесу. Как правило. Так, что-то слышали. Вот «Снегурочка» — это какой-то детский утренник... Ничего подобного. Она совсем не для детей. Это глубокое, очень философское, взрослое произведение о любви.

— А «Страна любви» — это Россия? Холодная, снежная...

— Нет, это такое оптическое государство. Берендеево царство... Замечательная-утопия, соблазнительная и абсолютно нереальная, в которую очень хочется поиграть. Мы поставили пьесу, как театральную игру, с музыкой, песнями и танцами. Молодость героев совпадает с молодостью исполнителей, которым близка и понятна история про открытые, наивные, по-хорошему «звериные» страсти, еще не испорченные цивилизацией. Это премьера нашего театра и одновременно дипломная работа бывших моих студентов, выпускников Школы-студии МХАТа. Спектакль получился хулиганским, потому что мне совершенно необходимо, чтобы в моей Марьиной Роще зритель балдел.

— Ваша Снегурочка просто Маугли...

— Вот не надо представлять себе Снегурочку скучной замороженной матрешкой. Спектакль о необходимости любви и о невозможности без нее жить. Только пройдя через страдания, герои пьесы становятся людьми. Купава, беспечный Лель, Минзирь... Потому что только тот мужик — кто хотя бы однажды получил по морде, кому хотя бы раз женщина не дала. А Снегурочка — любит и таит. Но она уходит с улыбкой, ее смерть радостна. И в этом есть, по моему, глубокий христианский смысл.

— «Маскарад» на вашей сцене «перечитан» Владимиром Агеевым совместно с ведущими актерами. Чем отличается его постановка?

— Она отличается... всем. Современной, неожиданно, эмоционально, экстравагантно, талантливо, ярко, пластично... Интересно по художественному решению, по костюмам, по хореографии. Музыку написал Панков, в спектакле занял панк-квартет — небольшой коллективчик, очень любопытный и востребованный сейчас в новой режиссерской волне. Это надо смотреть. Агеев — талантливый и самобытный режиссер, приглашать которого меня подтолкнули его последние работы.

— Есть у вас определенная репертуарная политика? Почему в «Сатириконе» не ставят современных авто-

ров? Вы не считаете, что все лучшие пьесы уже написаны?

— Ну почему? Из того, что читаю, мне многое, кстати, нравится. Но когда приходится выбирать между Шекспиром и братьями Пресняковыми, я пока что выбираю Шекспира. Хотя «Пленные души» Пресняковых мне кажутся очень хорошей, талантливой пьесой. Если появится вещь, сравнимая с Шекспиром или Гоголем, или проза, ни в чем не уступающая Достоевскому, мы с удовольствием ее сыграем. Зачем ставить какой-нибудь средний текст только потому, что он написан в наше время. Существует море великой драматургии, переиграть которую не хватит жизни. Порой классика выглядит гораздо современнее. Все зависит от того, как ее поставить.

— Вы считаете, что Островский современный драматург?

— Он мне нравится больше, чем все современные авторы. Островский — драматург для каждого времени. Он попадает в любое время. Но время меняет акценты.

— Наверное, нет в стране такого театра, где не идет какая-нибудь его пьеса. Как, на ваш взгляд, сейчас ставят Островского?

— К сожалению, либо старомодно, либо это только внешнее осовременивание. Но дело ведь не в том, как его герои чай пьют и ведут самоварные разговоры. Например, в Малом театре идет обаятельный и трогательный спектакль по пьесе «Правда хороша, а счастье лучше». Меня в этой постановке не устраивает только одно — ритмы, они из старого времени. Замечательный спектакль — если не заснешь.

— Вы хорошо представляете себе своего зрителя?

— Я люблю театр для всех: для тех, кто понимает, и для тех, кто не понимает, — тоже. Спектакль, идущий живо и мощно, способен пробить всех. Сам факт прихода в театр говорит об определенном интеллектуальном уровне. Раз пришел, значит, не безразличен. Если пришел еще раз — значит, зацепило. Темный, пухлый и одетый в модное человек, наверное, очень скоро забудет о том, что два часа пребывал в тонких материях и был ближе к Богу на два сантиметра. А Бог запомнит. И, может, там потом ему огня под сковородой поубавит...

— А православные священники говорят, что театр — грех.

— Честно говоря, отношение нашей Православной церкви к театру меня ошеломило, когда я рвался для себя вопрос религии. Но ведь не все же они так говорят.

— И как вы решили для себя этот вопрос?

— Я крестился в православие. Я человек по сути русский — по культуре, языку, менталитету. Потому — православие. Национальность и вероисповедание — разные вещи, правда? Я ощутил потребность к этому приходу сознательно, уже совсем взрослым.

— В одной из телепередач вы сказали, что Бог замечает тех, кто сам выпрыгивает ему навстречу. Помните ли вы свой дебют и как относитесь к славе и популярности?

— Это было очень давно. Слава — далеко не самая важная вещь. Одно время, между прочим, я был действительно очень популярным артистом. Лет 15–20 меня знали все от

мала до велика. Отчасти это приятно, отчасти это бывает утомительно и раздражает, потому что люди иногда совершенно не умеют себя вести и проявляют большую тупость и безтактность, влезая в твою жизнь и стараясь подчинить тебя своим маленьким эгоистичным желаниям. Подобрать тут же оборачивается страшным хамством...

— А что для вас значат ваши многочисленные награды, «Золотые маски», государственные премии? Как вы к ним относитесь?

— Конечно, получать награды приятно, но не могу сказать, что они как-то влияют на мою самооценку. К тому же «Золотая маска» — премия субъективная. Что до Госпремий, то это всего лишь грубая оценка грубой значимости в культурной жизни страны. Правда, высокая оценка помогает хоть чего-то добиваться для театра.

— А есть ли у вас друзья?

— Давно когда-то был у меня друг... Один. Другой не может быть много. Если только в смысле «друзья мои». Но в таком смысле — все мои друзья. А в более близком — только жена Елена и дочка Полина.

— Ссор между вами не бывает?

— Характеры у всех в семье вспыльчивые. Елена — взрывной человек, я тоже не очень покладистый. Есть в кого, причем не только по моей части. У Лены в родне и украинцы, и цыгане... В общем, бывают такие взрывы эмоций! Но не по принципиальным соображениям, а по житейским мелочам. Скорее не ссоры, а небольшие споры. Хотя от бытия в семье освободен и хозяйственные вопросы в основном решаются без меня.

— Вы поддерживаете отношения с украинской родиной?

— К сожалению, родители жены умерли. Они были из

Харькова, где сейчас живет брат Лены. Где-то в Сумской области есть деревня, где просто половина жителей — мои родственники со стороны жены. У них натуральное хозяйство, все свое — начиная с кур, коров, свиней и кончая рыбой в пруду. Большая семья замечательных украинцев работает. Они никогда в Москве не бывали, я у них тоже. Может быть, дочь туда как-нибудь соберется.

— Сколько лет сейчас Полине, чем она занимается?

— Ей 16, она учится на втором курсе Шукшинского училища. Это ее личный выбор, собственная стезя. Я не вмешивался, не вмешиваюсь и думаю, что это долго буду допущен... И не лезу. «Как дела?» — «Нормально». Вот и все. Я абсолютно ее понимаю, потому что сам не допускаю родителей ни до своей учебы, ни до первых лет работы в театре. Дочь — уже не моя пьеса. Я здесь могу только из-за кулис что-то подсказывать, и моими подсказками могут пренебречь. И тоже правильно. Когда родители выбирают детям профессию, мужа или жену — это абсолютная глупость.

— Ваша сестра в своих воспоминаниях написала, что Аркадий Исаакович не знал, в каком классе и как учатся его дети.

— Не классы и оценки главное во взаимоотношениях. «Качество» родителей определяется атмосферой в семье. И способом воспитания, который к детям применяется. Мои родители воспитывали не словом и указательным пальцем, а существованием — сутью поведения.

— И что на ваш взрослый, теперь уже отцовский взгляд дали вам родители?

— Они легенда, которая не забывается после ухода. Папа отлично знал историю искусства. Свое вдохновение он черпал из драматического театра и симфонической музыки — не из эстрады. Он всегда был кем-то восхищен, это очень важно. Мне передалась способность восхищаться талантом другого.

— Вы строите свою семью по образу и подобию своих родителей?

— И да, и нет. Это вещь подсознательная. С планом по воспитанию детей никогда не приходил. По моему, Полина хорошо воспитана.

Она — Райкина, я в этом убежден. По духовной заправке, по душевному строению. Она — наше, райкинское, продолжение. А вот как это случилось — не знаю. Наверное, обещание и гены.

— Когда родилась дочь, в вас что-то изменилось?

— Благодаря ей я понял, что есть вещи важнее, чем работа. Я раньше с гордостью заявлял: «Нет ничего важнее театра!» Теперь знаю: не надо противопоставлять одно другому. Не дай бог, если возникнет ситуация, когда нужно будет выбирать, что дороже. Я очень давно хотел, чтобы у меня был ребенок. В силу обстоятельств этого не случилось, и я ужасно завидовал своим младшим коллегам.

Только тот мужик — кто хотя бы однажды получил по морде, кому хотя бы раз женщина не дала.

там, у которых была уже куча детей. Это очень острое, ни с чем не сравнимое ощущение — появление ребенка, которого страстно ждешь. Когда Поля родилась — а я присутствовал при ее родах, — почувствовал себя мужчиной больше, чем когда-либо раньше.

— Полина была на премьере «Снегурочки»?

— Приходила несколько раз и курс свой приводила. Ее друзья и подруги общаются со мной без всякого стеснения, разговаривают, не смущаясь, не как мы, которые в свое время робели в присутствии взрослого или знаменитого человека.

— Ей понравился спектакль?

— Не знаю. Приходит, смотрит — уже хорошо. Знает, я как-то ее интересую, бывает же по-другому.

— Она сама сейчас в возрасте Снегурочки. Вы желаете ей испытать то, что довелось героине пьесы?

— И у Полины, и у ее одноклассников уже достаточно богатый эмоциональный опыт по части любви. Разве я не понимаю, что между ними возникают и кипят какие-то страсти? Я буквально этим не интересуюсь, но было бы нормально, если бы ничего не было. И у моих студентов все есть. Но когда я от них требую этого на сцене, то появляются проблемы. Потому

что там они не умеют пользоваться своим личным опытом. Задача педагога — научить их этому.

— Вы своим эмоциональным опытом когда впервые воспользовались?

— Да, наверное, сразу. Вопрос, насколько это было удачно. Конечно, надо разделять работу и жизнь. Но если ты сам не увлекающийся человек, тебе трудно донести чувство влюбленности до зрителя. Как ты будешь играть страсть на сцене, если ничего не испытывал в жизни? Публику надо потрясать и удивлять, но, если ты сам не потрясен и не удивлен, она тебе не поверит.

— Театр невозможен без любви?

— Новому поколению зрителей нет до меня дела. Станут они обо мне думать. Они думают про другое: про Жириновского, про Баскова и про Глюкозу... Все правильно и нормально, у меня нет сожалений по этому поводу. Некоторые ходят всю жизнь как чьи-то сукены дети. Мне повезло, что я — сын Райкина, а не какого-нибудь негодяя.

— Считаете ли вы, что вам вообще везет? Вы удачливый человек?

— Когда человек бесконечно работает, то о каком везении может идти речь? Я живу профессией, занимаюсь любимым делом. Вот как рыба плавает... Господи, сколько же она может плавать? А это форма ее существования. Конечно, есть судьба, от которой не уйдешь. Я — фаталист.

— Случайность — это тоже судьба. Но во все времена везет тому, кто этого заслуживает, кто сам себя везет.

— Наше время принято ругать. Что вам не нравится в нем больше всего?

— Мне не нравится нежелание понять другого. В театре и кино приходится играть разных людей, и вполне симпатичных в том числе. Поневоле учишься понимать человека изнутри и оправдывать его. Меня расстраивает отсутствие этого в жизни. Сегодня все воспаленные, нервные, злые. А умения пожалеть, услышать, помириться — нет.

— Вы любите комфорт? Вы гурман?

— Я могу быть гурманом и жить очень прихотливо, но

актера и под грузом знаменитой фамилии каждый день доказывать свою творческую непохожесть и состоятельность, но годы идут. Мне кажется, что ваше собственное имя уже давно работает на вас.

— Это далеко не так. Меня никак не видно в моем театральном деле. Я не позволяю снимать свои спектакли на пленку, потому что энергия постановки не сохраняется и получается какой-то гербарий. Не надо путать Москву со всей Россией. Большинство людей по-прежнему знают меня как его сына. Папа — целая эпоха в жизни взрослого населения страны.

— И все-таки мы живем сейчас в другой стране и с другими зрителями.

— Новому поколению зрителей нет до меня дела. Станут они обо мне думать. Они думают про другое: про Жириновского, про Баскова и про Глюкозу... Все правильно и нормально, у меня нет сожалений по этому поводу. Некоторые ходят всю жизнь как чьи-то сукены дети. Мне повезло, что я — сын Райкина, а не какого-нибудь негодяя.

— Считаете ли вы, что вам вообще везет? Вы удачливый человек?

— Когда человек бесконечно работает, то о каком везении может идти речь? Я живу профессией, занимаюсь любимым делом. Вот как рыба плавает... Господи, сколько же она может плавать? А это форма ее существования. Конечно, есть судьба, от которой не уйдешь. Я — фаталист.

— Случайность — это тоже судьба. Но во все времена везет тому, кто этого заслуживает, кто сам себя везет.

— Наше время принято ругать. Что вам не нравится в нем больше всего?

— Мне не нравится нежелание понять другого. В театре и кино приходится играть разных людей, и вполне симпатичных в том числе. Поневоле учишься понимать человека изнутри и оправдывать его. Меня расстраивает отсутствие этого в жизни. Сегодня все воспаленные, нервные, злые. А умения пожалеть, услышать, помириться — нет.

— Вы любите комфорт? Вы гурман?

— Я могу быть гурманом и жить очень прихотливо, но

могу обойтись вообще «без ничего». Я умею отключаться, абстрагироваться. Вот, например, я увлекаюсь парфюмами, но поскольку в свое время хотел быть биологом и серьезно занимался биологией, то несколько лет буквально прокопался в дерьме. Всегда отмечаю, если что-то вкусно приготовлено, но если некрасиво, мне совершенно наплевать. Люблю жареную картошку и русские пельмени. А из напитков — водку. Если дома уютно, мне безразлично. Я могу на это не обращать внимания. Конечно, лучше, когда вкусно и уютно. И у меня, слава богу, есть жена, которая за этим следит.

— У вас слава самого пластичного российского актера. Как вам удается поддерживать себя в такой форме?

— Ничего специально выпрок не делаю. Горы сверну, если это нужно для роли, которую я играю. Сейчас я чувствую, что, к сожалению, что-то уходит. Возраст — это объективная вещь. Я раньше вообще любил двигаться. На дискотеке мог прыгать и танцевать по восемь-девять часов, повергая всех в шок, — никто не понимал, как так можно. Да и потом, я был уже артистом — у меня случались такие сумасшествия, когда десять часов подряд я двигался без остановки. Это было похоже на испытание возможностей.

— При вашем сумасшедшем ритме жизни нельзя без отдыха. На дачу свою часто приезжаете?

— Стараюсь. У меня там дом, который я очень люблю, участок, две собаки-овчарки. Очень хорошо туда даже просто на ночь приехать, проснуться на природе. В Москву выезжаю в 6.30, позавтракав — пробки. Сам за руль не сажусь, у меня есть водитель.

— Как и где вы обычно проводите свой отпуск?

— Улетаю с семьей на другой конец планеты. Люблю отдыхать каждый раз в новых, совершенно неожиданных местах. Например, в джунглях. Но в цивилизованных условиях. Забраться куда-нибудь, где ничего не напоминает о театре... После отпуска смотрю видеосъемку и глазам не верю. Но это неделя, ну две — больше невозможно. Зато полный отрыв!

Слова

Михаил Жванецкий:

— Я намного моложе Аркадия Исааковича, но гораздо старше Константина Аркадьевича. Пожалуй, я мог бы даже его родить. Конечно, если бы, не дай бог, был женщиной. Мне нравится Костя Райкин и как актер, и как режиссер, и как худрук. Но больше всего мне нравится в нем то, что он заряжает народ на веселье собственными неповторимыми способами и приемами. У него свои заморочки, и я люблю его за то, что он совсем на меня не похож. Что, впрочем, неудивительно... Короче говоря, нормально, Константин!